"Для чего это?" Су Вэнь посмотрел на маску, переданную слугой, и недовольно сказал.

"О, старший брат, разве это не весело? Никто потом не узнает". Су Ваньюнь потянул Ла Сувэнь за рукав, она уже надела маску лисы.

"Непослушная." Су Вэнь махнул рукавом и повернулся, чтобы уйти, но услышал звук пианино, доносящийся из сливового сада, и заметил паузу, Су Ваньюнь уже вошел мимо него.

"Это интересно, брат Су, почему бы тебе не зайти и не посмотреть?" Фань Юй взял в руку маску из бычьей головы, похлопал Су Вэня по плечу и рассмеялся.

В этот праздник сливы большинство вельмож и сановников не приходили в свои дома. А если и приходили, то только эти дети и девушки, чтобы присоединиться к веселью. Никто не считал это официальным светским раутом.

Группа людей вошла в сливовый сад с ухмылкой, но увидела, что пейзаж внутри был действительно хорош, всевозможные теплые павильоны были усеяны среди цветущего сливового леса, плыл аромат, издалека доносились звуки фортепиано, и на какое-то время появилось место, где не было человеческого чувства.

Все почувствовали звук рояля и остановились у двери. Когда звуки рояля закончились, их отпустили, но они увидели, что внутри везде были расставлены увеселительные приборы. Служанки, которые входили и выходили, были одеты в синие и белые рубашки с развевающимися юбками. Красная слива, переплеталась со сливовым цветом сада.

"Это было пианино Чэн Цзя только что?" Фан Юй спросил Су Вэня.

Су Вэнь нахмурился, нерешительно кивнул и сказал: "Похоже на то, но зачем ему приходить?".

У большинства этих людей есть знакомые семьи. Семья Чэн, семья Су и семья Фань Цзямэй - это четыре семьи Цинлю. Дети в семье, естественно, росли вместе.

У них хорошие личные отношения, но четыре старших сына Бяньцзин, Чэн Цзяи, Чжао Минлян, Ван Сюаньчжун, Чэн Цзя шестнадцать После того, как в середине года топ-пик вступил в должность, стало меньше времени играть с ними.

"Чэн Цзя редко бывает здесь, так что, будем считать, что это стоящая поездка! Давай повеселимся, когда ты приедешь". Фан Юй рассмеялся.

"Сын хорошо играет на пианино!" восхищенно сказал Линь Цинъюй, и даже те, кто не очень разбирается в фортепиано, были очарованы им. Я действительно был мастером.

"К счастью". Чэн Цзя вышел из-за кресла перед пианино, опустился на колени у стола и начал заказывать чай. Вода здесь была полностью из снега цветущей сливы, который Хань Мянь разбудил заранее, что сэкономило процесс.

"Я действительно позволила мужчине-чемпиону играть на пианино и заказывать чай, я действительно..." Увидев, что Чэн Цзя смотрит на нее, Линь Цинъюй прикрыл грудь и сказал: "Тщеславие очень удовлетворено".

Чэн Цзя был ошеломлен на мгновение, его глаза закатились, а его подчиненные продолжали говорить: "Могу ли я думать, что это хозяин дома?". Когда я был маленьким мальчиком?

"Очевидно, я делаю тебе комплимент!" Лин Цинъюй сразу же сделал очень серьезное выражение лица. Это было ужасно, и он привык не закрывать рот.

"Чэн тоже должен зарядить". Движения Чэн Цзя были изящными и не хаотичными, он вскипятил воду в чайной чашке, поставил чашку с чаем перед Линь Цинъюем и спросил: "Мастера Линь, что такое освобождающая продуктивность".

Этот? Ты не принц семьи? Ты такой же бизнесмен, как и я! Слишком реалистично!

Подняв чашку с чаем и сделав глоток, Лин Цинъюй вздохнул: "Цена не подходит. Объяснять эту проблему очень хлопотно".

"О, мастер Линг может назначить цену". Чэн Цзя заказала чашку для себя, расслабила тело, взяла мягкую подушку и откинулась на спину, подняв брови и улыбаясь.

Лин Цинъюй опирался на мягкую подушку, но он сидел, наполовину опираясь прямо на толстое одеяло, которое на самом деле лежало на земле.

Когда он поднял голову и свел брови, на его лице с обычными чертами лица появилось бесконечное изящество и намек на лесть. .

Пыхтя, Линь Цинъюй прыснул, долгое время указывая на него и не в силах говорить.

Чэн Цзя медленно улыбнулся и сказал: "Цзя тоже хорошо играет на флейте, не знаю, достаточно ли этого".

"Достаточно!" Линь Цинъюй сильно кашлянул, затем сглотнул и сказал: "Я боюсь тебя!".

Говоря о производительности, я боюсь, что даже о диалектическом материализме приходится говорить. На тысячу лет вперед, пусть это тебя не пугает. Подумав об этом, Линь Цинъюй сказал: "Скажем так: если ты фермер и засеваешь десять акров. земли, то урожай составит десять ши риса в год. Если система подразумевает, что правительство хочет собрать половину урожая, тогда нужно будет сдать пять ши. Но если мы изменим метод, например, я не буду собирать половину, а соберу только 30% налога. Тогда что вы будете делать?"

Чэн Цзя нахмурился и сказал: "У меня больше своих, поэтому я, естественно, буду больше работать над культивированием".

"Да, ты будешь больше работать, потому что у тебя больше вещей, вместо того, чтобы делать одежду для других, ты будешь изучать, как увеличить урожай, например, использовать скот, улучшить сельскохозяйственные инструменты, увеличить использование навоза, построить водохранилище, При интенсивном выращивании, в это время, у тебя будет не десять камней в год, а урожай в двадцать камней". Каковы 30% официального урожая? Это шесть камней". Линь Цинъюй подождал, увидев, как задвигались глаза Чэн Цзя, и продолжил. "Значит, вашей семье требуется десять ши на годовой паек. Если бы это было раньше, то еды и одежды не хватало бы, но теперь у тебя четырнадцать ши и пайка больше, тогда у тебя останется время. Ты можешь использовать его, чтобы вырастить тутовые деревья, развести кур и уток, а потом развести немного рыбы."

"У тебя так много продуктов и прибылей, тогда кому принадлежат эти прибыли?

" Линь Цинъюй продолжил: "Если эти доходы принадлежат другим, то вы, естественно, не будете делать этого снова, но теперь эти доходы принадлежат вам, и вы Если вы не можете это

съесть, вы, естественно, продадите эти продукты в обмен на деньги или то, что вам нужно. В это время происходит кругооборот материалов и формирование производственных отношений." Линь Цинъюй остановился, выпил слюну, а затем спросил: "Понятно. ?"

Чэн Цзя посмотрел, как глаза Линь Цинъюя постепенно темнеют, и сказал: "Продолжай."

"Производительность состоит из трех элементов, рабочего, технологии труда и предмета труда". Линь Цинъюй посетовал в своем сердце и сказал: "Рабочий - это вы, технология труда - это наука и техника, которую вы используете, объект труда - это тот, кому вы служите, эти три элемента составляют производительность. Под производственными отношениями понимаются социально-экономические отношения, складывающиеся между людьми в процессе материального производства. Производительность влияет на производственные отношения, а производственные отношения, в свою очередь, ограничивают производительность. Забудьте, я не могу сказать. "Это учение возникло сотни лет спустя, а я не философ. Кому нечего изучать эту систему, тот знает, что дело сделано, и Линь Цинъюй готов бежать".

"Итак, лидер Линь сказал, что нынешняя трудовая система, используемая Тие, не подходит, потому что производственные отношения не соответствуют развитию производительности?" Чэн Цзя спросил Линь Цинъюя, усаживаясь поудобнее.

by! Кто сказал, что древние глупы! Линь Цинъюй снова откинулся назад, кивнул и сказал: "Да".

"Если изменить метод распределения, то энтузиазм этих железных домохозяйств будет намного выше, и фактический доход, получаемый двором, будет выше?" спросил Чэн Цзя, а затем снова заказал ей чашку чая.

Лин Цинъюй посмотрел на узор Сючжу Юаньшань, медленно появляющийся на поверхности чая, в душе похвалил и сказал: "Мастер Чэн гениален".

Увидев, что она уставилась на чашку с чаем, Чэн Цзя не сказал, что это означает, что он понял Гаомин или заказал чай, а словно сказал: "Слушать Господа лучше, чем читать десять лет". Цзядуо поблагодарил Лина".

Лин Цинъюй дважды рассмеялся, подняв пиалу с чаем, не хвалите меня, это не моя теория.

Янь Сань поднял занавеску, чтобы войти, поставил на стол немного еды, а затем сказал: "Господин, госпожа Су здесь, и сказала, что я приду и найду вас позже".

"Хорошо." Радость Лин Цинъюя прыгнула на лицо, разговор с тем, кто был слишком умен, был настоящей пыткой.

Янь Сань взглянул на Чэн Цзя, глаза обоих молча встретились на мгновение, затем они склонили головы и вышли.

Чэн Цзя опустил голову и некоторое время молчал, затем поднял голову и улыбнулся: "Хозяин Линь хочет это услышать? Было бы неплохо, если бы Цзя сыграл еще одну песню".

"Я не знаком с этим, мастер Чэн не боится играть на пианино для коров?" Линь Цинъюй слегка улыбнулся.

Чэн Цзя слабо улыбнулся, снова опустился на колени на сиденье пианино и пальцами нарисовал на струнах ноты, а затем из-под его пальцев зазвучала мелодия цветущей сливы.

Тихая и спокойная музыка звучит как холодный аромат в легких, со значением мороза, одна стопка две стопки три стопки, заставляя струны сердца людей биться.

Звук фортепиано действительно завораживает, но Лин Цинъю немного потерял дар речи, сын, что ты имеешь в виду, играя эти три трефы? Это потому что ты такой холодный? Или я одинок и у меня нет надежного друга?

Когда он закончил играть песню и огляделся, Линь Цинъюй слегка кашлянул и сказал: "Я думаю, лучше попросить феникса. Пух, нет, это **** и человек Чанг". Видя жалость, она вспомнила Есть только несколько мелодий гуцинь, и меня потянуло послушать их.

"Шен Рен Чанг?" с улыбкой спросил Чэн Цзя и, не дожидаясь ответа Линь Цинъюя, взмахнул руками по струнам, и простота воздуха появилась на его лице.

Сердца благородных сыновей и дам, пребывавших в Мэйлине, дрогнули, а Фан Юй прямо-таки споткнулся.

Только что элегантная и благородная слива трех дорожек заставила их всех погрузиться в свои мысли. Оказалось, что это такой грубый и простой тон, звучный ритм, древний и энергичный.

Слоги ясные и прозрачные, как реки и речки, как солнце и менструация.

"Это должен быть Чэн Ланг! Найди его для меня!" Приказ благородной дамы, обращенный к служанке, разбудил всех. После того как стихли звуки рояля, они отправились в теплый дом, чтобы найти кого-нибудь.

"Но это же так похоже на намерение главы Линга?" Чэн Цзя положила руки на ладони и улыбнулась, глядя на Линь Цинъюя, который полуобернулся.

Линь Цинъюй закрыл подбородок и сказал: "Ну, что еще ты хочешь спросить".

"Хозяин, все снаружи ищут его". Янь Сань наклонился вперед и холодно сказал.

Линь Цинъюй поднял брови, подмигнул Чэн Цзя и сделал жест "пожалуйста".

Чэн Цзя взял чашку с чаем и сделал глоток, прежде чем лицо Линь Циню полностью потемнело, он сказал: "Цзя придет, как только он уйдет".

Изящно встав с колен, он поднял занавеску, и его длинные рукава развевались.

Янь Сань вошел и вылил остывший чай, затем снова промыл чайник.

"Много ли здесь людей?" Линь Цинъюй снова принял ленивый вид, откинулся на мягкую кушетку, а затем поднял занавеску и выглянул наружу.

В Мэйлине уже было довольно много людей, храмы Исянь и Бай Сюэ Хунмэй образовали сцену.

Просто глядя на костюмы этих людей, большинство из них - молодые люди, и практически нет дам такого уровня. А если и есть, то это члены семей тех чиновников среднего уровня. Госпожа Сяо просчиталась, я боюсь, что эти люди, получившие должность, не приняли приглашение семьи Сяо. Это вопрос приглашения, эти люди просто придут, чтобы присоединиться к веселью.

Увидев Чэн Цзя, выходящего из Мэйлиня, многие молодые принцы приветствовали его и с улыбкой направились в сторону Вэньдоутай. Некоторые дамы взяли служанку, чтобы найти ближайший теплый павильон, сели и подняли марлю, чтобы посмотреть на улицу. Сыновья сражаются друг с другом.

Линь Цинъюй присмотрелся и обнаружил, что семьи высших чиновников находятся в ближайшем теплом павильоне, а родственницы некоторых чиновников среднего уровня - в нескольких теплых павильонах, причем некоторых из них служанки отвели в оранжерею, где были расставлены драгоценности.

Устроение Хань Яня действительно тронуло умы этих людей. Все четыре крупных князя столицы родились в семьях дворян. Теперь только Чжао Минлян, старший сын семьи Чжао, решился на поцелуй, а остальные - сладкие булочки для этих высокородных дам. Мо, все зависит от того, как они будут сражаться в Вэньдоуву. Естественно, они должны быть на передовой позиции. Хотя другие места находятся далеко, это не мешает дамам и барышням наблюдать за волнением. Более того, нет никакого различия между мужчинами и Wendouwu. Все они полагаются на реальные навыки, возможно, вы сможете найти желающего мужчину или что-то в этом роде.

Эй, неприятность под названием госпожа Сяо, очевидно, была торговой встречей семьи Линг, как она могла стать встречей для свидания вслепую!

Это действительно была встреча вслепую. Чэн Цзя не надевал маску, когда выходил на улицу, а потом снял маску и написал стихотворение, когда восхищался ею. Затем сыновья, которые подошли естественным образом, тоже сняли мешающую маску. На некоторое время перед вэньяем раздались аплодисменты, которые привлекли бесчисленные взгляды.

http://tl.rulate.ru/book/15727/2522513